

В. В. НАПОЛЬСКИХ (Ижевск)

МАТЕРИАЛЫ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА ОБ УДМУРТАХ
И ПРОИСХОЖДЕНИЕ УДМ. *kjšno* 'ЖЕНА'

Удмуртское слово *kjšno* означает 'жена', но может означать также 'женщина' (при этом скорее с коннотацией 'женщина замужняя' или по крайней мере 'в возрасте, когда надлежит быть замужем'), для обозначения лица женского пола вообще используются композиты *njlkjšno* букв. 'девочка-жен(щин)а' или *kjšnomurt* букв. 'жен(щин)а-человек'. Последнее слово образовано аналогично слову *piosmurt* 'мужчина', первый компонент которого *pios* (< *pi* 'сын, мальчик' + суффикс *-os*) существует в удмуртских диалектах, кажется, только в форме множественного числа *piosjos* 'мужики'. Однако в первом удмуртском словаре, составленном Даниэлем Готтлибом Мессершмидтом на Чепце в 1726 г., это слово зафиксировано как *Pjoss* 'муж, супруг', при этом совр. удм. *kart* 'муж' (← тат. *qart* 'старик' (Csúcs 1990 : 207)) записано Д. Г. Мессершмидтом (CARDT) еще в его «этимологическом» значении 'старик'. Слово *kjšno* зафиксировано Д. Г. Мессершмидтом (KYSCHNA) в его современном значении 'жена' наряду с *kenak* (КЕНАК) — в современном языке 'жена старшего брата; тетушка, женщина (при обращении)', а для значения 'женщина' записан исчезнувший в современном языке композит **ñjngoron* (NING-GORON) — параллельный сохранившемуся и сегодня слову *vorgoron* 'мужчина, мужик' (WOOR-GORON в записи Д. Г. Мессершмидта) (Напольских 2001 : 168, 180, 185, 188, 193, 204). Все это может указывать на существование у северных удмуртов в начале XVIII в. несколько отличной от нынешней терминологии для описания брачных и половых отношений, которая выглядит достаточно старой, по крайней мере с сохранением старых композитов и до утверждения татарского заимствования для 'мужа'. При этом, однако, слово *kjšno* уже существует в своем основном значении 'жена, супруга'. Очевидной этимологии это слово не имеет. Ср., однако, удм. *kjšet* 'платок (прежде всего — головной, более позднее развитие — плат, вообще любой кусок ткани более или менее прямоугольной формы: полотенце, скатерть и т.п.)'; бес. *kāšon* 'головной убор замужней бесермянки в виде полотенца-платка' (УРСл 249), *kjšon* 'Kopfschmuck' (Wichmann 1987 : 117).

Оба слова должны рассматриваться как отглагольные существительные с суффиксами *-et* и *-on* от основы **kjš-* (инфинитив был бы

**kjšjñi*), которая в чистом виде в удмуртском, видимо, не сохранилась, но имеется глагол, который может быть связан с тем же корнем: удм. *kjšjanj* 'накладывать заплату, подшивать валенки' (> *kjšjet* 'заплата').

Связь удм. *kjšet* 'платок' (а также, значит, и бес. *kjšon*) с глагольным корнем **kjš-* подтверждается надежными параллелями в коми языке: коми *kjšed* 'верхняя одежда, покрытие верхней одежды' (точное — по основе и суффиксу — соответствие удм. *kjšet*), коми (нв.) *kjšni* 'обшить (напр., шубу сукном); обить, покрыть (напр. крышу железом)', сюда же коми (вс., сс., лл., печ.) *kjšavni* 'надевать, надеть' (ССКЗД 190, 256, 277) (коми → хант. (каз.) *käč-*, (обд.) *käs-* 'покрывать материей (шубу)' (Toivonen 1956 : 37)) < праперм. **küš-/küč-* 'обить, обшить, надеть верхнюю одежду' (КЭСК 155) < фин.-перм. **kščz-* 'вешать, навешивать' (от того же корня коми (уд.) *kjšavni* 'повесить, привесить', а также, возможно, и коми *kjšašni*, иж., сыкт., вв. 'взбираться, карабкаться', уд. 'прицепиться, пристать' — собственно 'навеситься' (ССКЗД 190)) (UEW 680).

В таком случае для удм. **kjšjñi* может быть реконструирована семантика 'покрывать (тканью)' < 'обвешивать, завешивать', откуда и названия головного платка в удмуртском *kjšet* (собственно 'то, чем покрывают, завешивают'; ср., напр., *uštet* 'ключ, открывалка' и *uštjñi* 'открывать' и т.п.) и в бесермянском *kjšon* букв. 'покрытие, завешивание'.

С другой стороны, семантику праперм. **küč-* 'обить, обшить, надеть верхнюю одежду' = 'покрыть оболочкой' трудно не сопоставить с коми *kjš* 'скорлупа, кожура, шелуха', удм. *kjč* 'шелуха, жмых' < праперм. **küš-* 'кожура, скорлупа' (КЭСК 155). В свете удм. -č здесь следует реконструировать праперм. **küč-* и, учитывая предлагаемую глагольную параллель, семантику определять как 'покрытие, оболочка (в частности — зерна, плода)'. По-видимому, от данного именного корня в удмуртском и образован упомянутый глагол: **küč* 'покрытие, оболочка' > **küč-ja-nj* > *kjšjanj* 'сделать покрытие, оболочку: поставить заплату, подшить валенки' (ср. *jjr* 'голова' и *jjrjanj* 'снабдить головой: приделать головку у сапог, озаглавить' и т.д.).

Итак, для удмуртского языка можно предполагать существование в прошлом глагола **kjšjñi* 'покрывать', от которого образованы приведенные выше названия головных платков и основа которого сопоставима с основой загадочного *kjšno* 'жена'. Есть ли возможность каким-то образом объяснить семантическую основу этого сопоставления?

Головной убор в виде платка или полотенца (*šuljk*, *kjšet*, *calma* — термин может варьировать в зависимости от диалекта) практически повсеместно считался головным убором удмуртских замужних женщин в отличие от традиционного девичьего головного убора — *takja*. Но само по себе это обстоятельство малозначимо: аналогичные головные уборы существовали практически у всех народов Европы. Однако есть основания полагать, что использование головных покрывал в удмуртской культуре в прошлом имело глубоко символический, ритуализованный характер.

До 1930-х годов у бесермян сохранялся следующий порядок ношения головных уборов женщинами. Округлая девичья шапочка *takja* при выходе замуж заменялась на головное покрывало *šuläk* (удм. *šuljk*) — его накидывала на голову невесты мать жениха во время свадебного

обряда в доме жениха, что знаменовало переход девушки в разряд замужних женщин. Затем, с наступлением первой беременности у молодухи проводился обряд *śulǎk kuřton* 'выбрасывание *сюлыка*': родственницы мужа похищали ее *śulǎk*, и, отметив это событие небольшим угощением, будущая мать надевала головной убор замужних женщин — *kǎřon* (см. выше), ношение которого было обязательным (Попова 1998 : 41, 83, 129).

Аналогично использовалось покрывало *śulik* и у завятских удмуртов (сохранявших высокий головной убор *ajřon* еще в начале XX в.): по приезде невесты в дом жениха на ее голову возлагался *ajřon*, и надеваемый на него сверху *śulik* закрывал сверху почти все ее лицо (до рта). Затем, по прошествии нескольких месяцев проводился обряд *śulik kjskon* 'стягивание *сюлыка*', после чего *śulik* носили, прикрывая лицо только до глаз, а через год начинали носить легкий *ajřon*, на котором *śulik* свешивался в основном на спину и открывал все лицо женщины (Косарева 2000 : 134—139).

Однако поскольку головной убор *ajřon* реально зафиксирован этнографами только у некоторых южных групп удмуртов, возникают законные сомнения по поводу того, насколько широко были распространены подобные обряды, можно ли считать их общеудмуртскими — то есть достаточными для развития семантики общеудмуртского термина для 'жены'? До недавнего времени предположения о былом бытовании подобного головного убора у северных удмуртов базировались только на археологических данных (Шутова 1992 : 13), которые, естественно, позволяют различные интерпретации (не известно, носили ли такой убор именно замужние женщины; нельзя утверждать, что данные захоронения принадлежали именно северным удмуртам, а не каким-то пришлым, возможно, даже и неудмуртским группам и т.д.) и на общих типологических соображениях о развитии удмуртского женского костюма (Косарева 2000 : 54, 82—83).

В материалах Д. Г. Мессершмидта зафиксировано наличие у чепецких удмуртов в начале XVIII в. высокого головного убора типа южноудмуртского *айшона*. Более того, он оставил рисунок женщины в таком головном уборе (первое в истории изображение удмурта вообще — см. рис. 1), и им были закуплены три комплекта женского костюма, элементы которого он описывает следующим образом (сохраняю орфографию оригинала):

«АШЧКОН; Fantange nebst inseparablen Zubehöre. 1. St. NB. selbige wird über einem umb den Kopff gewundenen langem leinwandttuche, also aufgesetzt daß sie fast mehr auf der Stirne biß gegen die Augen brahenen, denn in den Wirbel des Haupts zu stehen könne, und von hintenher umb den haß festgebunden werde. SCHULYCK; ein brodirtes weiß frangine tuch übere АШЧКОН, wie die frantzöischen Coiffures überm Gesicht nach belieben niederzulaßen oder zu retruossiren; ein St. angenaht».* Затем, в своем

* 'Ашкон; высокий головной убор с неотделимыми принадлежностями. 1. шт. НБ. Он надевается на обернутый вокруг головы длинный льняной платок так, что надвигается сильно на лоб почти до бровей, почему может стоять на макушке головы, а сзади привязывается вокруг шеи. Сюлык; вышитый белый покров на ашкон, подобный французскому куафюру, опускаемый на лицо или поднимаемый по желанию; одна шт., пришитый.'

Рисунок 1. Чепецкая удмуртка в головном уборе *ашкон*. Самое раннее из известных изображений удмурта. Рисунок выполнен Д. Г. Мессершмидтом карандашом (карандашная надпись, судя по орфографии и почерку, сделана его рукой, слабо видна первоначальная дата — 1726 г.). Затем часть рисунка была кем-то обведена пером, и поверх прежней даты пером же написана новая — 1737 г., когда Д. Г. Мессершмидта уже не было в живых (Санктпетербургский филиал Архива РАН, ф. 98, оп. 1, № 5, л. 122; впервые опубликован в Обозрение 1933 : 160).

словаре Д. Г. Мессершмидт определяет *Aschkon* как головной убор замужних женщин ('*Mitra muliebris*' — в моей публикации опечатка *miliebris* (Напольских 2001 : 51)) в отличие от девичьей шапочки *такьи* (Таскя) '*[Mitra] virginalis*' (Напольских 2001 : 40, 51, 86).

Можно предполагать, что Д. Г. Мессершмидт не прав, считая, что *сюлык* опускают на лицо «при желании»: скорее всего у чепецких удмуртов головной убор и покрывало были задействованы в ритуалах, подобных приведенным выше бесермянским и южноудмуртским. Это, конечно, только предположение, но важно другое: высокий головной убор с покрывалом носили замужние женщины и у чепецких удмуртов, что делает гипотезу о его общеудмуртском бытовании в прошлом весьма вероятной. Более того, словарь Д. Г. Мессершмидта позволяет реконструировать общеудмуртское название этого головного убора: удм. (малм., малм.-урж., елаб., уф.) *ajšon*, (малм.-урж.) *ašjan* (Wichmann 1987 : 4) < **aže-ošon* букв. 'вперед навешивание' (Алатырев 1988 : 64) ~ (ср.-чеп. у Мессершмидта) *aškon* < **až(e)-oškon* букв. 'вперед/спереди свешивание'. Примечательна семантика этого термина: она определяется функцией *айшона/ашкона* служить основой для головного покрывала, свешивающегося спереди и закрывающего лицо женщины.

Следовательно, можно реконструировать общеудмуртский обряд перехода девушки в положение замужней женщины, в котором особую роль играл надеваемый ею головной убор, главной частью которого был платок, п о к р ы в а в ш и й голову женщины и — с высокой степенью вероятности — свешивавшийся спереди на ее лицо, з а к р ы в а я его от постороннего взгляда. Сама замужняя женщина в этом

случае должна была бы называться — в отличие от девушки — '(та, голова которой) должна быть покрыта, (лицо которой) должно быть прикрыто (платком)', для чего могло быть использовано причастие будущего времени / долженствования на *-(o)no* от реконструированного выше глагола **kišini* 'покрывать, завешивать': **kišono* 'подлежащая покрытию, завешиванию'. Возможна и другая грамматическая интерпретация — форма обладания признаком на *-o* от причастия / имени действия на *-(o)n*: **kišini* > **kišon* 'покрытие, занавесь' (= название бесермянского головного убора *kāšon*) > **kišono* 'обладающая покрытием, занавесью; носящая *кышон*'. На самом деле альтернатива эта скорее всего ложная: удмуртские причастия будущего времени / долженствования на *-(o)no* могут вообще исторически (этимологически) рассматриваться как формы обладания признаком на *-o* от причастий на *-(o)n*. Возможность перехода **kišono* в *kišno* (синкопа безударного гласного, особенно слабого в композитах типа **kišonomurt* > *kišnomurt*) при полной деэтимологизации слова в связи с исчезновением в языке самого глагола **kišini* в принципе не вызывает особых возражений.

Приведенный бесермянский материал показывает, что головной убор со старым удмуртским названием бес. *kāšon* (удм. *kišet*) мог на каком-то этапе разделить свою ритуальную функцию с платком *šulik* ← чув. *šuläk* 'платок, надеваемый женихом (себе) на спину во время свадьбы' < тюрк. **jaulyk* 'платок' (Wichmann 1903 : 100), но впоследствии у удмуртов, по-видимому, значение старого слова *kišet/kišon* расширилось и стало обозначать головной платок вообще, затем и любой прямоугольный кусок ткани (скатерть и т.п.), а для специального обозначения ритуального головного платка замужней женщины стало широко использоваться заимствование *šulik*. Это развитие напоминает замену старого *pios* 'муж' (в словаре Д. Г. Мессершмидта) татарским заимствованием *kart*, которая была отмечена в начале статьи.

Сокращения

Коми диалекты: **вв.** — верхневычегодский, **вс.** — верхнесысольский, **иж.** — ижемский, **лл.** — лузско-летский, **нв.** — нижневычегодский, **печ.** — печорский, **сс.** — среднесысольский, **сыкт.** — присыктывкарский, **уд.** — удорский; **праперм.** — прапермский язык; **тюрк.** — (обще)тюркский язык; **удмуртские диалекты:** **бес.** — бесермянский, **малм.** — малмыжский, **малм.-урж.** — малмыжско-уржумский, **елаб.** — елабужский, **уф.** — уфимский, **ср.-чеп.** — среднечепецкий; **хантыйские диалекты:** **каз.** — казымский, **обд.** — обдорский.

Обозрение 1933 — Обозрение архивных материалов. — Труды Архива АН СССР, вып. 1, Ленинград 1933; **УРСл** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983.

ЛИТЕРАТУРА

- А л а т ы р е в В. И. 1988, Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А—Б, Ижевск.
- К о с а р е в а И. А. 2000, Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX — начале XX в., Ижевск.
- Н а п о л ь с к и х В. В. 2001, Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726 г., Ижевск.
- П о п о в а Е. В. 1998, Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX — 90-е годы XX вв.), Ижевск.

- Ш у т о в а Н. И. 1992, Удмурты XVI — первой половины XIX в. По данным могильников, Ижевск.
- C s ú c s, S. 1990, Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen, Budapest.
- T o i v o n e n, Y. 1956, Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen. — FUF XXXII, 1—169.
- W i c h m a n n, Y. 1903, Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen, Helsinki (MSFOu XXI).
- 1987, Wotjakischer Wortschatz, Helsinki (LSFU 21).

V. V. NAPOL'SKICH (Iževsk)

AUFZEICHNUNGEN VON D. G. MESSERSCHMIDT
ÜBER DIE UDMURTEN UND
DIE HERKUNFT VON UDM. *kjšno* 'FRAU'

Im Mittelpunkt des vorliegenden Artikels stehen die Analyse des udmurtischen Wortes *kjšno* 'Frau', Erklärungen zu seiner Bedeutung und Etymologie.